

EL PAÍS

2000 Февраль 8

Desencadenando melodías

VI Ciclo de Lied

Dmitri Hvorostovsky (barítono), Mijaíl Arkadiev (piano). Obras de Mijaíl Glinka, Gustav Mahler y Serguéi Rachmaninov. Fundación Caja Madrid. Teatro de la Zarzuela, 7 de febrero.

JUAN ÁNGEL VELA DEL CAMPO
La aparición en la escena lírica internacional, hace ya unos cuantos años, del barítono ruso Dmitri Hvorostovsky fue recibida con enorme expectación. Su timbre de voz comenzó a cautivar, sus primeros pasos hacían presagiar que se podía estar ante un cantante de los que definen un determinado periodo. Con el transcurso del tiempo, Hvorostovsky fue perdiendo algo de gas, pero ha seguido manteniendo un sintomático carisma. No era, en cualquier caso, un carisma unitario, aunque sus partidarios eran, y son, de una gran fidelidad. Ello explica, en una primera y elemental aproximación, que fuese recibido ayer en Madrid con "bravos" por un sector del público antes de empezar a cantar, y también que su recital desembocase en un rotundo éxito. El ambiente estaba caldeado. La indiferencia estaba fuera de sitio.

Dividió su programa del teatro de la Zarzuela en tres bloques, dos de autores rusos —Glinka, Rachmaninov— y uno dedicado a los *Kindertotenlieder* de Mahler. No es frecuente escuchar canciones de los primeros. Y mucho menos con la convicción y elegancia que ayer mostró el barítono ruso. Al carisma del artista se unía el atractivo del repertorio elegido. El panorama no podía ser más prometedor.

Instinto y brillantez

La gran baza de Hvorostovsky es su gran instinto y su brillante habilidad para mostrar el sentido melódico de las canciones. Canta de una forma impecable desde la ortodoxia, tiene voz atractiva y bien timbrada, su fraseo es natural y limpio. Si a ello unimos su procedencia, es fácil imaginar que en Glinka —especialmente en la *Canción de viaje*— y en Rachmaninov —sobre todo en *Ah, campos míos*— convenciese con una facilidad pasmosa.

En Mahler las cosas no estuvieron tan claras. Y no precisamente porque no estuviese todo bien dicho y desarrollado, sino más bien por la ausencia de sentido trágico, de carga literaria, de interiorización expresiva, de desgarró. Era un Mahler correcto, bello quizá en exceso, algo descafeinado. En Glinka y Rachmaninov es suficiente con la línea de canto y el abandono a la melodía; en Mahler es necesario mostrar no solamente lo escrito en las notas, sino lo que está más allá de ellas.

M. Arkadiev acompañó desde el piano con pulcritud. La penetración entre ambos artistas es manifiesta. Ofrecieron como propina una página operística de Verdi. La realización fue más espectacular que profunda, más bonita que pasional. Fue un recital interesante. Quizá, para obtener una valoración unánime, a Hvorostovsky le faltó una pizca de comunicación y cercanía. Dejó, en cualquier caso, su sello de personalidad, cimentado en la belleza de la voz y un singular fraseo melódico con un pie en la tradición popular y otro en un refinamiento que roza pero no cae en la monotonía.

Вызывающий музыку

Хуан Анхель Вела дель Кампо

Появление несколько лет назад на международной оперной лирической сцене русского баритона Дмитрия Хворостовского было встречено с огромным интересом. Тембр его голоса завораживал, его первые шаги в карьере давали понять, что мы являемся свидетелями рождения эпохи, нового имени, по которому впоследствии будут мерить определённый промежуток времени. В последние пару лет Хворостовский немного сбавил скорость, но по-прежнему продолжает поддерживать столь характерное личное обаяние и харизму, которые являются совокупностью одарённости и персональной привлекательности, и его поклонников становится всё больше.

Это объясняет такой воодушевленный приём публики в Мадриде вчера вечером, с криками "Браво!" из зала ещё до начала выступления; было понятно, что концерт пройдёт с оглушительным успехом. Атмосфера была благоприятной, ни капли равнодушия ни стороны исполнителя, ни со стороны публики. Русский певец разделит программу на три части, три больших блока - два из которых русских композиторов, Глинки и Рахманинова, а третий посвятил "Песням об умерших детях" Малера. Нечасто можно услышать произведения этих русских авторов, да ещё с той уверенностью и элегантностью, которую вчера продемонстрировал русский баритон. Невероятное сочетание харизмы с выбранным репертуаром - многообещающее действо.

Инстинкт и блеск

Большое преимущество Хворостовского - это его потрясающий инстинкт и блестящая способность демонстрации мелодичного стержня и сути каждой песни, романса, арии. Петь одинаково безупречно любой репертуар и жанр, начиная с православных песнопений, иметь привлекательность и хорошо поставленный тембр голоса, его дикция естественна и чиста. Если ко всему прочему мы добавим его происхождение, то нетрудно себе представить, что в Глинку (особенно в "Попутной песне") и в Рахманинова (особенно в романсе "Ах, ты, нива..") он превращается с необычайной лёгкостью.

С Малером дела обстояли не так ясно. И не потому что было плохо спето, сказано, развито, а именно из-за отсутствия трагического смысла, несущего литературный вес, надрыва, выразительности. Это был Малер слишком ровный и правильный, слишком бескафеиновый.

Если в Глинке и Рахманинове ему достаточно выбранной тактической певческой линии, то в Малере необходимо показать не только то, что написано в партитуре, но и то, что выходит за рамки нотного стана.

Михаил Аркадьев партией фортепиано сопровождал исполнителя со свойственной ему отточенностью.

Взаимопонимание между двумя артистами велико и очевидно. На бис была сыграна оперная ария из Верди.

Представление было более впечатляющим, чем глубоким, более красивым, чем страстным. Это был очень интересный концерт. Возможно, чтобы получить единодушную оценку, Хворостовскому не хватило чуточку близости и общительности. В любом случае, он оставил свою персональную печать, марку, основанную на красоте его голоса и уникальной мелодичной дикции, с одной стороны, сочетаясь с народными традициями, а с другой, с уникальной утонченностью, которая могла бы, но несколько не кажется монотонной.

Перевод с испанского Ирины Трушкиной